

DOI: 10.17976/jpps/2022.06.14

ИЗУЧАЯ ПРИРОДУ ВОЙНЫ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ И ЕВРОПЫ

В.Н. Конышев

КОНЫШЕВ Валерий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, email: v.konyshev@spbu.ru

Коньшев В.Н. 2022. Изучая природу войны: взгляд из России и Европы. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 182-188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.14>

Статья поступила в редакцию: 18.04.2022. Принята к публикации: 20.06.2022

Аннотация. В коллективной монографии “Военные науки versus наука о войне...” под редакцией В.К. Белозерова и А. Дубови (М.: МГЛУ, 2021) представлена дискуссия экспертов из России, Австрии и Германии, имеющих богатый исследовательский, образовательный и практический военный опыт, по проблемам методологии изучения феномена войны. Она являет пример междисциплинарного диалога представителей двух школ современной военной и политической мысли – австро-германской и отечественной. Монография сфокусирована на поиске методологических принципов, которые давали бы целостное, системное восприятие войны на основе понимания глубокой связи ее военных, политических, экономических, социальных аспектов. Эволюция наук, изучающих войну с различных сторон, объективно подошла к новому этапу, связанному с интеграцией знаний о войне на междисциплинарной основе. Интегрированная наука о войне должна также помочь создать модель государственного управления, которая бы гармонично сочетала гражданскую и военную сферы. В области военного образования это предполагает расширение научного кругозора офицерского корпуса за счет академических знаний. И российская, и австро-германская стратегические традиции имеют близкие научные и философские корни, восходящие к учению К. Клаузевица. В то же время, оригинальность российской политической мысли проявилась в том, что она предвосхитила многие особенности современных войн. Авторы из России и Австрии подчеркивают, что критики Клаузевица недооценивают различия между сущностью и явлением войны, из-за чего делают ложный вывод об устаревании его теории. В монографии предлагаются различные варианты системного изучения войны, учитывающие ее социальную природу, будь то в рамках военной политологии, полемологии или иных дисциплин.

Ключевые слова: природа войны, методология, политическая наука, стратегическая культура, Австрия, Россия, ФРГ.

Осмысление природы войны и ее роли как средства политики занимает умы человечества не одну тысячу лет. Новая волна интереса к данной теме связана не только с тем, что война принимает новые формы, которые отличаются относительным снижением значимости прямого насилия [Гибридные войны... 2015]. Некоторым экспертам это дает основание поставить вопрос об изменении природы войны. Важно отметить и другую сторону дела: отношение к войне как средству политики остается весьма противоречивым, несмотря на тенденцию гуманизации международных отношений, которая наблюдалась в XX веке. Более того, надежды на снижение роли военно-силового фактора в мировой политике, возникшие после окончания холодной войны, все более рассеиваются.

Сегодня отношения России и коллективного Запада находятся на беспрецедентно низком уровне. Нарастание противоречий в международных отношениях из-за формирования новых центров силы и передела сфер влияния, кризиса мирового хозяйственного и валютно-финансового механизма, эрозии системы международного права и международных организаций, отката к государственноцентричным стереотипам политики в ответ на глобальные проблемы — все это возвращает к восприятию мировой политики сквозь призму войны¹. Начало военной операции России на Украине и резкое ухудшение военно-политической обстановки в Европе, которое будет иметь глобальные и далеко идущие последствия, только подтверждают эту тенденцию.

В сложившихся условиях вопрос о войне требует постоянного и пристального внимания экспертного сообщества. Рецензируемая коллективная монография “Военные науки versus наука о войне в Австрии и России” под редакцией Василия Белозерова (Московский государственный лингвистический университет) и Александра Дубови (Академия национальной обороны, Австрия) обобщает опыт работы семинара, в ходе которого состоялся диалог представителей русской и австро-германской школ военной мысли [Военные науки... 2021]. В фокусе дискуссий — методология изучения природы войны и прикладные аспекты изучения современных войн.

В монографии поднят вопрос о содержании военной стратегии, крайне актуальный именно сегодня. Еще К. Клаузевиц обратил внимание на ее две взаимодополняющие стороны: консультирование политического руководства по применению военной силы и воплощение политического замысла в оперативном управлении военной кампанией. Тем самым военная стратегия с точки зрения принятия решений подразумевает неразрывную связь политики и войны, их постоянное взаимное влияние и корректировку. Такое научное понимание войны в ее целостности дает возможность выявить реальную военную действительность в различных конфликтах, избегая крайностей абстрактных суждений о войне в виде априорного пацифизма или милитаризма. Так, один из авторов, А. Алекса, говорит о формировании в Австрии военной науки как дисциплины [там же: 13-19], которая движется от философии войны по Клаузевицу к науке о войне, имеющей собственный предмет, объединяющий политические и военные аспекты планирования, управления и использования военной силы. Это случай “золотой середины” между предельно широким изучением всех явлений и процессов, связанных с войной, с одной стороны, и изучением только военных аспектов стратегии — с другой.

Продолжая эту тему, российский автор В. Белозеров предлагает развивать военную политологию, правда, пока остаются дискуссионными ее объект и предмет, содержание и структура. В частности, автор отмечает, что в существующих трактовках военной политологии недостаточное внимание уделяется природе войны. Видимо, дальнейшая эволюция этой дисциплины должна опираться на адаптацию концепций и методов философии, военной психологии и военной социологии. Одно из перспективных направлений исследований в рамках военной политологии Г. Сидорова видит в изучении мотиваций, условий, характера, масштабов применения военной силы сквозь призму конфликтов определенного региона [там же: 94-98, 134-139]. Конечно, пока остается много неясностей. Будет ли военная политология “ведомственной” наукой или войдет в университетские программы? Будет ли

¹ Целищев А. Медведев: отношения между РФ и США сейчас хуже, чем во время холодной войны. *Газета.ru*, 26.03.2022. <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/03/26/17478943.shtml> (accessed: 18.04.2022).

она частью политологии или отдельной дисциплиной? Удастся ли найти убедительные разграничения между военной политологией, конфликтологией и стратегическими исследованиями? Или военная политология призвана их синтезировать? Эти вопросы заслуживают дальнейшего обсуждения.

Созвучные идеи высказывают и другие российские авторы рецензируемой монографии, когда они рассуждают о необходимости системного изучения войны, в то время как современная военная наука и стратегия в основном сосредоточена на прикладных аспектах — подготовке и ведении войны. Между тем военная стратегия, выработанная на основе системной науки о войне, должна быть частью государственного управления [там же: 25, 28-29, 39, 89-93], что следует из тезиса о войне как продолжении политики, но иными средствами. Это означает, что высший офицерский состав должен иметь более широкий кругозор, выходящий за пределы военной науки за счет более глубокой академической подготовки.

Идея изучения войны как комплексного явления, конечно, не нова для российской военной мысли. Как отмечает А. Соловьев [там же: 140-147], системное понимание войны развивалось в рамках полемологии, которая опирается на социологические подходы. Ее основателем считается французский ученый Г. Бутуль (1899-1980) [Bouthoul 1951], которому приписывается лозунг: “хочешь мира — познай войну!”. В СССР тоже проводились подобные исследования, например, М. Тухачевский еще в 1920-е годы предлагал создать “полемостратегию” как общую науку о войне. На социальную природу войны обращали внимание М. Фрунзе, Б. Шапошников и другие видные военные деятели.

В русле полемологии были высказаны актуальные по сей день мысли о том, что война не исчерпывается ведением операций, а охватывает многие сферы жизни обществ. Человек остается главным фактором победы, что обуславливает важность политического воспитания личного состава и командных кадров. Стирается четкая грань между тылом и фронтом, возрастает роль промышленности и тыла для обеспечения войны. Но, в отличие от других стран, в СССР/России это направление исследований так и не оформилось в самостоятельную научную дисциплину, а термин “полемология” до сих пор не получил широкого распространения [Военные науки... 2021: 140-147]. Тем не менее многие идеи нашли свое продолжение в современном понимании стратегии национальной безопасности, которая включает в себя экономическую стратегию, дипломатию, информационную и военную стратегию. Трудная судьба полемологии не удивительна, ведь в советской системе общественных наук политология и теория международных отношений считались “буржуазными науками”, не имеющими научного содержания, но зато обслуживающими политические интересы буржуазии.

Вопросы методологии изучения войны, поднятые в монографии, касаются не только военного образования, но и практических проблем военной деятельности. С учетом глубокой связи политики и войны, И. Даниленко высказывает важную мысль о переходе в современной практической политике от стратегии больших войн к приоритетам безопасности, что было вызвано катастрофическими последствиями мировых войн и привело к размыванию понимания общественной истории через призму дихотомии “мир vs война”. Например, укрепился соблазн принимать решения в расчете на то, что противник, обладающий ядерным оружием, не перейдет к решительным действиям из-за угрозы взаимного уничтожения. Подобные стереотипы в развитии военной теории

ущербны, потому что они ведут к стиранию противоположности понятий “война” и “мир”. В условиях нарастания хаоса в современных международных отношениях это увеличивает риск войны на всеобщее уничтожение [там же: 26-27].

Соглашаясь с И. Даниленко, можно лишь добавить, что не только политический опыт сосуществования без большой войны ведет к размыванию границ между миром и войной. Свой весомый вклад вносит эволюция военного дела. Достаточно напомнить, что в США информационные операции были возведены в разряд стратегических еще в начале 2000-х годов [Конышев 2009: 143-145], а сегодня в центре внимания находятся “гибридные войны” как дальнейшее развитие этой идеи. При этом статус “гибридных войн” остается весьма неопределенным именно с военно-теоретической точки зрения [Конышев, Парфенов 2019], а вслед за этим — и с международно-правовой. Такая ситуация политически крайне опасна, поскольку начало “гибридной войны” можно приравнять к акту агрессии со всеми вытекающими последствиями. Правовая и содержательная зыбкость понятия гибридной войны уже используется для политических манипуляций с помощью дипломатии и крупнейших СМИ по принципу “справедливость выше законности”. В проявление гибридной войны может быть включено буквально любое действие политического оппонента. Война сознательно лишается правовых и концептуальных рамок для *милитаризации международных отношений*.

Однако военная политика имеет не только внешнеполитическую, но и внутривнутриполитическую составляющую. Ю. Михалев считает, что военная политика должна строиться не на основе абстрактного пацифизма или благородных идей, а с учетом сложной природы войны, которая, по определению русского военного деятеля первой трети XX в. А. Снесарева, “стала всеохватывающим, всепроникающим и глубоко драматическим явлением в жизни народов” [цит. по Военные науки...: 44]. Поэтому к войне надо готовиться в мирное время, не уповая на доктрину “вечного мира” по Канту (сам И. Кант считал эту доктрину лишь разумной перспективой, а не практическим руководством для политики). В противном случае государство ожидают политические ошибки, влекущие к социальной катастрофе из-за неготовности населения к войне, непонимания ее целей, популярности в обществе тезиса о войне как абсолютном зле. Умело и грамотно организованная политика государства по подготовке к войне способна внести вклад в стабилизацию военно-политической ситуации путем сдерживания потенциального агрессора.

Весьма интересны рассуждения авторов книги об особенностях стратегической культуры. Оказывается, российский и австрийский стили весьма близки друг к другу, а американский имеет серьезные отличия. Авторы верно отмечают, что российская военная мысль должна опираться в первую очередь на свою богатую традицию, показывая на ярких примерах, что многие идеи А. Суворова, А. Снесарева, А. Свечина, Н. Головина, Е. Месснера, А. Керсновского и других актуальны в наши дни [там же: 66-72]. Заметим в связи с этим, что если в XX в. идеи того же Сунь-Цзы стали откровением для американцев, то в российскую стратегическую культуру, в лице А. Снесарева и его последователей, они вписываются вполне органично. Идеи гибридной войны просматриваются еще в трудах Е. Месснера. Идеи полемологии развивались в СССР параллельно с западными школами, и лишь в силу политических причин они не получили институционального оформления.

Российские авторы считают, что отличительной чертой русской стратегической культуры всегда было превосходство духа над противником. Это было залогом побед, особенно над превосходящими силами. А когда армия впадала в периоды исторического беспамятыства, безверия и деидеологизации, упадка морально-волевых качеств, она не могла защитить своей страны от развала ни в 1917, ни в 1991 гг. [там же: 75]. Поэтому А. Савинкин ставит задачу не просто модернизации армии и флота, которая сегодня в целом выполняется, а духовного возрождения вооруженных сил РФ как важнейшего направления военного строительства. Это тем более актуально в свете распространения гибридных стратегий с их сложностью, действием в “серой зоне”, использованием асимметричных и невоенных средств и т.д.

Упомянутые выше дискуссии имеют прямое отношение не только к проведению военной политики государства, но и к военному образованию. Весьма поучителен опыт подготовки офицеров генерального штаба вооруженных сил Австрии и Германии, о котором пишет Д. Хайнцманн. Процесс их обучения предусматривает – для расширения военно-научного кругозора за счет приближения знаний к академическим стандартам – включение в соответствующие учебные программы Ph.D в области права. Кроме того, проводятся занятия по межкультурному взаимодействию, международному и гуманитарному праву, этическим нормам поведения военных в мирное время. Для ведения занятий привлекаются штатные преподаватели Венского университета [там же: 148-164]. Такой подход позволяет интегрировать военную и академическую подготовку, а в перспективе создает возможность для гармонизации гражданской и военной политики на уровне подготовки кадров и процесса принятия решений на государственном уровне.

Из прикладных аспектов анализа современных войн австрийский автор Ю. Виммер выделяет феномен “совместных операций”. Если “гибридность” как нечто принципиально новое справедливо ставится под сомнение, то в совместных операциях (впервые разработанных в США) действительно можно усмотреть признаки новизны на уровне оперативного искусства. В планировании и ведении подобных операций учитываются кардинальные изменения влияния политических и социологических факторов благодаря включению информационной и кибернетической сфер в пространство войны. Остается пожалеть, что вопрос о специфике совместных операций лишь обозначен Ю. Виммером, а между тем он заслуживает более пристального внимания.

Рассуждая о природе войны, Ю. Виммер пытается дополнить триаду Клаузевица (правительство – армия – народ) личностным измерением войны и апеллирует для этого к антиклаузевицианцу В. Кревельду. Дополнение состоит в том, что на уровне человека война – это соблазн “похождения, вдохновения и развлечения, освобождение от ограничений повседневной жизни” [там же: 101]. Но стоит ли добавлять в природу войны по Клаузевицу уровень анализа, который соответствует стереотипу западного обыденного сознания, причем в маргинальном варианте “диких гусей”? Разве они, “гуси”, определяют природу войны на уровне Человека? Этот поворот дискуссии вновь и вновь возвращает к теме воспитания и сохранения “души” российской армии, так ярко звучащей в интеллектуальном наследии русской военной мысли. И одновременно – к осмыслению различий в стратегической культуре России и Запада.

Рецензируемая книга погружает читателя в атмосферу дискуссий об устаревании теории Клаузевица, которые длятся не один десяток лет [Kaldor 2012; Кревелд 2005]. Суть спора сводится к тому, что критики берут одно из

определений войны Клаузевицем и затем указывают на такую форму войны, которая в него не укладывается. Например, триаду “правительство—армия—народ” сталкивают с ростом активности негосударственных участников в конфликтах XX в. и делают вывод, что принцип тринитарности неприложим к современным конфликтам. Как справедливо указывает А. Дубови [Военные науки...: 119], критикам не удается понять, что окончательное, вневременное и универсальное определение войны невозможно.

Зато возможно выявить, с одной стороны, сущностные черты войны, такие как подчиненность политике, с другой — меняющиеся черты, такие как состав участников, инструменты и способы противоборства. Клаузевиц прямо указывал на соотношение сущности и “образа” / явления войны. Неуловимость определения войны есть следствие изменчивости и сложности ее природы, когда, не меняя сущностных свойств, она, подобно хамелеону, способна принимать самые разные формы, от прямого боя до выставления дозора. Тема сложности и изменчивости форм войны красной нитью проходит сквозь учение Клаузевица. Например, он пишет, что война одновременно является, во-первых, проявлением ненависти и вражды, уподобляясь слепому природному инстинкту; во-вторых, игрой случая из-за непредсказуемости; в-третьих, рассудочной деятельностью, поскольку война является инструментом политики [Клаузевиц 1999: 46, 58, 64-65, 195, 257].

В каждую новую эпоху война принимает форму сообразно историческим, технологическим, социально-экономическим и иным условиям. Методологически важно понять диалектику сущности и явления войны, которая способна примирить стороны. Но пока не закончен спор между критиками и сторонниками теории Клаузевица, остается проблема практической политики: как распознать сущностный лик войны в ее новых проявлениях, будь то терроризм, информационные операции, “гибридные войны”, целенаправленное влияние на окружающую среду или что-то еще?

Рецензируемая книга приглашает к дискуссиям по многим вопросам теории и методологии преподавания, развития и практического применения военной науки как части государственной политики. Как показала дискуссия на страницах книги, назрел качественный шаг в изучении феномена войны, который состоит в интеграции знаний, накопленных по линии многих дисциплин. Будет ли такая интеграция оформлена в виде военной политологии или полемологии, покажет время. Во всяком случае, социологический подход к пониманию природы войны должен получить дальнейшее развитие. Очень важной представляется и предпринятая попытка диалога представителей различных стратегических культур, которая помогает взаимопониманию политических оппонентов, что служит не только делу войны, но и делу мира: “хочешь мира — познай войну”!

187

DOI: 10.17976/jpps/2022.06.14

STUDYING THE NATURE OF WAR: RUSSIAN AND EUROPEAN PERSPECTIVES

V.N. Konyshv¹

¹ Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia

KONYSHEV, Valery Nikolaevich, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor of Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, email: v.konyshv@spbu.ru

Konyshv, V. (2022). Studying The Nature of War: Russian and European Perspectives. *Polis. Political Studies*, No. 6, P. 182-188. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.14>

Received: 18.04.2022. Accepted: 20.06.2022

Abstract. The collective monograph "Military sciences versus the science of war" edited by V.K. Belozerov and A. Dubowy presents the results of a discussion of experts from Russia, Austria and Germany focused on the methodological problems of war studies. The discussions brought together specialists with profound research, educational, and military experience who contributed to a interdisciplinary dialogue between representatives of two schools of modern military thought. The authors of the monograph strive to discover a set of methodological principles that would give a holistic/systemic vision of war based on an understanding of the deep relations between its military, political, economic, and social aspects. The evolution of different sciences that study war at various levels and dimensions has objectively approached a new stage of research associated with the integration of knowledge about war on an interdisciplinary basis. An integrated science of war should also help to create a model of governance that harmoniously combines the civil and military spheres. In the field of military education, this implies the expansion of the military horizons of the officer corps through academic knowledge. Both Russian and Austro-German strategic traditions have close scientific and philosophical roots, dating back to the teachings of K. Clausewitz. At the same time, the originality of Russian political thought manifests itself in the fact that it anticipated many features of modern wars. The authors from Russia and Austria emphasize that Clausewitz's critics underestimate the differences between the essence and phenomenon of war. As result they make a false conclusion about the obsolescence of his theory. The monograph offers various options for a systematic study of war, taking into account the social nature of war, whether it is "military political science", "polemology", or another discipline.

Keywords: nature of war, methodology, political science, strategic culture, Austria, Russia, Germany.

References

Bouthoul, G. (1951). *Traité de sociologie. Les Guerres. Eléments de polémologie*. Paris: Payot. 530 p.
Kaldor, M. (2012). *New and old wars: organized violence in a global era*. Cambridge: Polity Press. 268 p.

Belozerov, V.K., & Dubowy, A. (Ed.). (2021). *Militärwissenschaften versus Wissenschaft über den Krieg in Österreich und Russland*. (Russ. ed.: *Voennye nauki versus nauka o voine v Avstrij i Rossii*). Moscow: MGLU Press. 378 p. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/978-5-00120-232-5_2021

Clausewitz, C. Von. (1997). *Vom Krieg*. (Russ. ed.: *Clausewitz, C. Von. O voine*. Moscow: Logos; Nauka. 451 p.).

Creveld, M. van. (2005). *The transformations of war*. (Russ. ed.: *Transformaciya vojny*. Moscow: Alpina Publisher. 344 p.).

Konyshev, V.N. (2009). *Voennaya strategiya USA posle okonchaniya kholodnoi voyny [U.S. military strategy after the end of the Cold War]*. St. Petersburg: Nauka. 178 p. (In Russ.)

Konyshev, V.N., & Parfenov, R.V. (2019). Hybrid wars – between myth and reality. *World Economy and International Relations*, 63(12), 56-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66>

Tsygankov, P.A. (Ed.). (2015). "Gibridnye vojny" v haotiziruyushchemsya mire XXI veka [Hybrid wars in chaotic world of the 21st century]. Moscow: Moscow University Press. 384 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

"Гибридные войны" в хаотизирующемся мире XXI века. 2015. Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство МГУ. 384 с.

Военные науки versus наука о войне в Австрии и в России. 2021. Под ред. В.К. Белозерова, А. Дубови. М.: МГЛУ. 378 с. https://doi.org/10.52070/978-5-00120-232-5_2021

Клаузевиц К. *О войне*. М.: Логос; Наука, 1997. 451 с.

Коньшев В.Н. 2009. *Военная стратегия США после окончания холодной войны*. СПб.: Наука, 178 с.

Коньшев В.Н., Парфенов Р.В. 2019. Гибридные войны: между мифом и реальностью. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 12. С. 56-66. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66>

Кревельд, М. ван. 2005. *Трансформация войны*. М.: Альпина Бизнес Букс. 344 с.